

Сергей В. Белоусов

Пенза

Поляки в Пензенском крае в XVIII — первой половине XIX века

В последние годы в российской исторической науке наметился устойчивый интерес к вопросу о роли поляков в социокультурном развитии российской провинции¹. Свидетельством этого явилось проведение в мае 2010 г. в Тамбове крупной международной конференции «Поляки в истории российской провинции XIX—XX вв. Диалог цивилизаций»². Вместе с тем, многие вопросы, связанные с решением этой общей проблемы, пока не нашли должного отражения в отечественной историографии. Один из них связан с появлением поляков на территории Пензенского края и определением той роли, которую они играли здесь на протяжении XVIII — первой половины XIX в.

Появление поляков в Пензенском крае можно связать с рядом факторов. Во-первых, с активной помещичьей колонизацией края в XVIII в., перемещением на его территорию значительного количества крепостных крестьян и попыткой закрепощения ранее лично свободных групп инородческого населения, в т.ч. и этнических поляков. Во-вторых, со складыванием в конце XVIII в. пензенской дворянской корпорации, в которую вошли и несколько родов польского происхождения. Третьим фактором, повлиявшим на перемещение поляков в Пензенский край, следует признать Отечественную войну 1812 г. Четвертый фактор связан с развитием Пензы как губернского центра и появлением значительного количества чиновников, в т.ч. и из числа польского населения. Наконец, в первой половине XIX в. Пензенская губерния

¹ И.В. Прохваленкова: *Дворянство польского происхождения в Орловской губернии в XVII — начале XX в. (Этномиграционный процесс)*. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел 2008.

² *Поляки в истории российской провинции XIX-XX вв. Диалог цивилизаций: Мат-лы международной научной конференции (18—20 мая 2010 г.)*. Тамбов 2010, с. 340.

стала местом временного пребывания ссыльных поляков, численность которых заметно возросла после Польского восстания 1863 г.³

Вопрос о том, когда поляки впервые появились на территории Пензенского края, остается открытым. Очевидно, его следует связать с защитой юго-восточных окраин Российского государства и возникновением в XVII в. на территории края системы защитных укреплений, представленной засечными чертами, крепостями, острогами и т.п. Среди служилых людей, переводимых на новое место службы, вполне могли оказаться и представители польского населения. Известно, например, что среди первопоселенцев Пензы были т.н. «старые черкасы» (украинцы), черкасы Микиты Буд-Зюзина, а одним из основателей города являлся представитель польско-литовской шляхты Юрий Ермолаевич Котранский (Катранский, Котрацкий).

Архивные источники свидетельствуют о том, что Котранский принадлежал к «шляхтичам Виленского воеводства». Примерно в 1650—1652 гг. он перешел на русскую службу, принял православную веру и до 1660 г. служил воеводой г. Балахны. В 1663 г. он был направлен для строительства вновь создаваемой крепости на р. Пензе. В Указе царя Алексея Михайловича от 3 мая 1663 г., который считается первым достоверным документом, связанным с основанием Пензы, говорится о том, чтобы «послать за Ламовскую черту на реку Пензу с Юрьем Котранским, где ему велено город строить... сто шпаг»⁴. После завершения строительства, между сентябрем 1663 — февралем 1664 г., крепость Пенза была передана воеводе Е.П. Лачинову⁵.

Дальнейшее появление поляков в Пензенском крае связано с помещичьей колонизацией, широко развернувшейся в регионе с начала XVIII в. Так, в 1718—1719 гг. солдаты с. Никольского Нижнеломовского уезда Никифор Алдахин «со товарищи» продали свои «служебные жеребьи и сенные покосы» ближнему боярину, сенатору, графу П.М. Апраксину⁶. Вскоре на вновь приобретенных землях граф поселил своих крестьян, которые основали д. Игнатову Поляну, Березенцы тож. Между 1720—1722 гг. сюда же были переведены и 4 человека, значившиеся по 1-й ревизии «ис поляков»: Павел Гаврилов 37 лет, Иван Матвеев 35 лет, Тимофей Иванов 29 лет и Иван Лукьянов 32 лет⁷.

³ См.: Н.Г. Карнишина: *Пензенская губерния как место ссылки участников Польского восстания 1863 г. // Поляки в истории российской провинции XIX—XX вв. В: Диалог цивилизаций...*, с. 138—143.

⁴ *Пензенский край XVII в. — 1917 г. Документы и материалы.* Саратов 1980, с. 5.

⁵ О Ю.Е. Котранском подробнее см.: Г.В. Мясников: *Город-крепость Пенза.* Саратов 1989, с. 94—114.

⁶ Государственный Архив Пензенской Области (далее: ГАПО), ф. 33, оп. 1, д. 255, л. 11—11об.

⁷ Российский Государственный Архив Древних актов (далее: РГАДА), ф. 350, оп. 2, д. 1931, л. 227.

К середине XVIII в. они были закрепощены и по 2-й ревизии (1746 г.) числились крепостными крестьянами жены графа А.П. Апраксина Елены Михайловны Апраксиной⁸. В 1825 г. их потомки «искали вольности» от своего помещика В.Д. Загорского, которому они к тому времени принадлежали, подав соответствующее прошение в Пензенскую палату уголовного суда. В прошение было включено «одобрение» крестьян-однодворцев с. Лещиново, соседнего с д. Игнатовой Поляной, в котором последние отмечали, что «слышали от своих стариков», будто роду они [просители. — С.Б.] поляцкого» и брали из нашего селения в замужество девок». Однако прошение осталось без рассмотрения⁹.

Встречаются примеры и противоположного свойства, когда польским уроженцам по решению судебных органов удавалось освободиться из крепостной зависимости. Так, в марте 1816 г. Пензенское губернское правление рассмотрело прошение бывшего польского шляхтича Егора Иванова сына Крупицкого, в котором тот отмечал, что «во время бывшей в 162—164-м годах [1654—1656 гг. — С.Б.] с польским королем Яном Казимиром войны» его предок, шляхтич Михайла Крупицкий, служивший в польском Радзивилловом полку, был взят в плен и крещён в православную веру. По ландратским книгам 1710 г. его прадед Николай Тимофеев Крупенин вместе с женой «неизвестно почему» был написан в сельце Батыеве Филисовской волости Луковского уезда за Артемием Петровичем Волинским. По 2-й ревизии отец просителя и его дядя значились крепостными в с.Архангельском, Симбухино тож, Пензенского уезда за дочерью А.П. Волинского Марией. В 3-ю ревизию (1762 г.) Егор Иванов сын Крупицкий, «равно и братья его родные Василий и Иван Ивановы, внучатые Иван, Селуян и Федор Тимофеевы дети Крупицкие», были записаны в том же селе за графом И.Л. Воронцовым, а позднее перешли во владение к камер-юнкерше, графине И.И. Воронцовой, «у которой и находились они все в рабстве и повиновении». С.-Петербургская палата гражданского суда и С.-Петербургский надворный суд приняли решение о выходе просителя «из рабства» и избрании им «рода жизни». На основании этого решения Егор Иванов сын Крупицкий вместе со своими детьми, «будучи склонны и способны», пожелал «сам поступить и детей записать в канцелярские служители», а племянников «по их собственному желанию и неумению ими грамоте читать и писать» причислить в число мокшанских и пензенских мещан¹⁰.

Наряду с принудительным закрепощением представителей польского населения встречаются и случаи их добровольного перехода в крепостную за-

⁸ РГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1933, л. 496—502.

⁹ ГАПО, ф. 23, оп. 1, д. 170, л. 103—105 об.

¹⁰ ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 482, л. 971—974.

висимость. Так, в 1781 г. поляк Иван Михайлов сын Трубачёв подал прошение в Городищенский уездный суд с просьбой закрепить его вместе с сыном в «вечное и потомственное владение» за заседателем Городищенского нижнего земского суда подпоручиком В.Ф. Матякиным. В своем прошении Трубачёв среди прочего отмечал, что «уроженец де он точно местечка Красного Яру, Разбойное тож, природою настоящий поляк, где и отец де ево Михайла Титов родился и жительство имел; а он, именованный, в малолетстве, тому сколько лет не упомнит, во время набегов и разорения турецкого подданства от крымских татар и турок помянутым отцом ево во избежание вышеписанных неприятельских набегов с протчими поляками из одного местечка Разбойного Яру для спокойного жития выведен в Россию, куда пришед, отец ево с ним первое жительство имел в Москве, по охотному ево желанию наймом во временном услужении, без всякой от отца ево данной, как на себя, так равно и на него, обязанности и записи у немца Филиппа Адамова сына, где, прожив 3 год, отец ево умер, а он для прокормления своего у одного немца на том же основании, на каком был отец ево, остался по желанию своему еще служить; где и жил до того году, в котором состоялся Ея Императорского Величества указ о выводе для жития в России в Саратовскую округу на вольную землю иностранцев; а во оном году ево показанной немец из Москвы вывез с собою в саксонские колонии, а именно называемой колонок Паршим, где, прожив с полгода, как показанной немец умре». В дальнейшем Трубачёв находился в плотницкой работе при строительстве различных немецких колоний. В 1780 г., «будучи для сенокосной работы в городе Саратове», он повстречался со своим родным братом, который вместе с семьей жил в вечном владении у помещика Матякина. И для совместного дальнейшего проживания Трубачёв также пожелал записаться «в вечное услужение» к указанному помещику¹¹.

В 1785 г., на основании грамоты Екатерины II на права, вольности и преимушества благородного российского дворянства, была образована дворянская корпорация Пензенской губернии. В её состав уже в конце XVIII в. вошли и несколько родов польско-литовского происхождения: Блажиевские, Лопатины, Струйские, Чуфаровские, Ягодинские. Следует, правда, сразу оговориться, что к этому времени эти дворянские роды в большей или меньшей степени являлись обрусевшими, а их представители в большинстве своём уже приняли православную веру. Поэтому их идентификация в качестве этнических поляков или литовцев достаточно условна. Конечно, следует вести речь о русских дворянских родах польского или литовского происхождения.

Заметную роль в социокультурном развитии Пензенского края второй половины XVIII — начала XIX в. сыграли дворяне Струйские.

¹¹ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1691, л. 7—8 об.

Струйские принадлежали к древнему дворянскому роду, который вел своё происхождение из Польши. Его представители появились в России в конце XV в. в царствование Ивана III. Фамилия Струйских, очевидно, связана с названием польского города Струже, расположенного недалеко от Кракова, и в ранних документах писалась несколько иначе: Стружские, Струшские, Струтцкие, Струсские. Многие представители рода служили «Российскому Престолу разные дворянские службы и жалованы были от Государей в 1720 (1611—1612 гг.) и других годах поместьями». Первым документом, свидетельствующим о поместном владении Струйских, является список с грамоты, датированной июнем 1612 г.¹² Грамота была выдана Китаю Васильеву сыну Стружскому на нижегородские земли (75 четвертей), данные к его поместному окладу из пустоши немчина Федора Лобакина. Примечательно, что она написана от имени бояр и воевод Дмитрия Пожарского «со товарищи». Очевидно, это свидетельствует о каком-то участии Китая Струйского в событиях Смутного времени. Интересно, что Струйские считали себя в родстве с боярами Шуйскими и Струсями. Среди последних более всего известен Николай Струсь, бывший в 1612 г. командиром польского гарнизона в Москве¹³.

Наибольшую известность не только в пензенской провинции, но и в России получил Николай Еремеевич Струйский, ещё в 70-е гг. XVIII в. поселившийся со своей женой в Рузаевке, имении, расположенном в 30-ти верстах от Саранска. Николай Еремеевич, «оставя службу прапорщиком гвардии и пристрастившись к стихотворству, [...] имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его было доведено до наилучшего в то время в России искусства, он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой изданья хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысячу верст от столицы в глуши, под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылавала перстни бриллиантовые в подарок. [...] Странен был в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в деревне был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячиной и представлял живое пособие хаоса»¹⁴. Н.Е. Струйский с большим пиететом отно-

¹² ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 2788, л. 11—12.

¹³ Подробнее о роде Струйских см.: Н.Л. ВАСИЛЬЕВ: *Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного*. Саранск 2003, с. 5—9; С.В. БЕЛОУСОВ, Е.М. БУКРЕЕВА: *Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский*. В: *Бородино в истории и культуре: Материалы Международной научной конференции (Бородино, 7—10 сентября 2009 г.)*. Можайск 2010, с. 116—134.

¹⁴ И.М. ДОЛГОРУКОВ: *Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни*. Москва 1997, с. 158—159.

сился к Екатерине II. «Кончина государыни так сильно поразила его воображение, — писал И.М. Долгорукий, — что он слёг горячкой, лишился языка и умер очень скоро»¹⁵.

Не менее древним был дворянский род Чуфаровских, в конце XVIII в. осевший в Нижнеломовском уезде. Его основоположником считался региментарь Казимир, выехавший из Польши в Псков еще в XVI в.¹⁶

С историей Пензенского края связан и дворянский род Лопатиных, происходящий от польских шляхтичей Лопатинских. Многие представители этого рода прославились на военной и гражданской службе. Так, Михаил Петрович Лопатин, один из первых кавалеров ордена Св. Георгия 4-го класса, дослужился до чина действительного статского советника и в 1794—1796 гг. являлся губернатором Полоцкой губернии¹⁷. Его сын Григорий Михайлович Лопатин в 1812 г. был полковым командиром Литовского уланского полка, отличился во многих сражениях и был награжден различными российскими орденами¹⁸. Родной брат Михаила Петровича Лопатина Николай также являлся одним из первых кавалеров ордена Св. Георгия 4-го класса, получивший эту награду в 1771 г. за отличие при штурме крепости Журжи в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг.¹⁹

Интересные документы сохранились в Государственном архиве Пензенской области о дворянском роде Блажиевских, внесенном в 1794 г. в 4-ю часть дворянской родословной книги Пензенской губернии. Среди них подлинное свидетельство от 11 июля 1787 г., данное Александру и Семену Блажиевским от земян, обывателей и чиновников Брацлавского воеводства Польского королевства (всего 22 человек) с их подписями и печатями в том, что они точно польские шляхтичи и ныне состоят в подданстве Российской империи. В документе, в частности, говорится, что «Александр и Семен Тржаски Блажевские суть точно благородных Краснянского ксендза декана Максима и жены его Катерины из фамилии Рудицких Тржасков Блажевских сыны, благородных Василия и Параскевы из фамилии Лобачевских Блажеиовских правнуки; и что они сами и их предки суть природные и в Польши известные шляхтичи»²⁰. В 90-е гг. XVIII в. отставной поручик Александр Блажиев-

¹⁵ И.М. Долгорукий: *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего*. Петербург 1916, с. 359. Н.Е. Струйский скончался 2 декабря 1796 г. в Рузаевке, менее чем через месяц после смерти Екатерины II.

¹⁶ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 3447, л. 22 об—23.

¹⁷ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 1616, л. 45.

¹⁸ Его формулярный список см.: Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее: РГВИА), ф. 489, оп. 1, д. 2659, л. 1 об—3.

¹⁹ См.: С.В. Белоусов: *Кавалер ордена Святого Георгия*. „Краеведение” 1999, nr 2, с. 74—78.

²⁰ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 295, л. 5—6.

ский служил пензенским уездным казначеем, а отставной гвардии поручик Семен Блажиевский — в Пензенской казенной палате «при винной и соляной экспедиции у закупки припасов»²¹.

Достаточно частым явлением в офицерской среде являлась женитьба на девушках из польских шляхетских фамилий. Это явление получило большое распространение в конце XVIII в. в результате походов российской армии в Польшу и последующих ее разделов. Причем, чаще всего в брак со шляхтянками вступали малообеспеченные офицеры из числа мелкопоместного дворянства или выходцы из других сословий, дослужившиеся до офицерских чинов. Так, выходец из крестьян Курской губернии подпоручик А.В. Алферов, служивший в начале XIX в. начальником Инсарской инвалидной команды, был женат на шляхтянке Гродненской губернии Марии Ивановой²². Подобные записи встретились нам также и в формулярных списках выходца из штаб-офицерских детей г. Астрахани, отставного штабс-капитана А.Ф. Шадченинова (был женат на шляхтянке Матрене Степановой) и выходца из солдатских детей, отставного поручика А.Д. Винокурова (был женат на дочери польского шляхтича Домбровского), проживавших в начале XIX в. в губернском городе Пензе²³.

Следующим событием, повлиявшим на появление поляков в Пензенском крае, стала Отечественная война 1812 г. Согласно разбору иностранцев, проведенному летом 1812 г., в губернии значились тогда лишь два человека, относящиеся к польской нации. В г. Инсаре вместе с сыном и двумя дочерьми проживал Антон Николаев сын Гурской, являвшийся уроженцем города Львова. Там же служил форшмейстером поляк, принявший российское подданство, Емельян Лазарев, имевший жену, двух сыновей и пять дочерей²⁴.

На основании Высочайшего повеления и циркулярного предписания Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 5 июля 1812 г. в июле—сентябре в Пензенскую губернию под надзор полиции было выслано несколько иностранцев. Первыми (13 и 15 июля соответственно) в Пензу прибыли польские помещики граф Иосиф Валевский и графиня Рыщевская, проживавшие в Волынской губернии. Валевский был сослан «за обнаруженные непозволительные верноподданству поступки», а Рыщевская «по сомнительству, что сын ее, служивший прежде в нашей гвардии, находится ныне в польском войске»²⁵. По воспоминаниям известного мемуариста первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигеля, графиня Рыщевская, урожденная Холоневская,

²¹ Ibidem, л. 11, 12, 13—14.

²² ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 76, л. 2—3, 6.

²³ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 396, л. 2—3; д. 3583, л. 2—3.

²⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 421, л. 19 об—20, 84 об, 88.

²⁵ Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 1165, оп. 1, д. 160, л. 26; ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 508, л. 4.

«богатая и пожилая полька», «слишком много любила заниматься политикой. Волынский губернатор, Михаил Иванович Комбурлей, не мог остаться равнодушным, зная о воззваниях ее к помещикам, когда неприятельская армия показалась в России: по праву ему данному, в критических обстоятельствах, в коих находилась его губерния, он именем государя отправил ее во внутренние губернии, и Пензе досталась она на долю»²⁶. Ф.Ф. Вигель сообщает интересные подробности о ее пребывании в Пензе. Он пишет, что «на другой день по получении известия о взятии Москвы праздновала она у себя сие счастливое событие с двумя французами, Радюльфом и Магиером. Все комнаты были освещены. Но радостное спокойствие сего торжества было внезапно нарушено. Град камней из карманов и рук двух человек, ехавших мимо верхом, посыпался в ее окна и все стекла разбил вдребезги; верховые ускакали потом неизвестно куда, и никогда не могли их отыскать»²⁷. Граф Иосиф Валевский и графиня Рыщевская были отправлены обратно в свои имения лишь 26 февраля 1813 г.²⁸

С осени 1812 г. через Пензенскую губернию по различным трактам в большом количестве двигались партии военнопленных армии Наполеона. Были в них и поляки. Так, в партии военнопленных численностью 230 человек (2 обер-офицера, 1 доктор, 1 шляхтич, 226 нижних чинов), проходившей через Пензу по тракту из Нижнего Новгорода в Саратов 30 октября 1812 г. находились 3 поляка: обер-офицеры Редер (Roeder) и Малинский (Malinski), а также врач 1-го класса польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке, который в своих воспоминаниях сообщил интересные подробности своего пребывания в Пензе²⁹.

30 апреля 1813 г. в Пензе были получены 3 циркулярных предписания С.К. Вязмитинова (одно от 11 апреля и два от 15 апреля) об отправлении военнопленных поляков из Могилевской, Рязанской и Воронежской губерний в Ишим. Пленные должны были препровождаться вглубь страны малыми партиями по определенному им маршруту, в т.ч. и по территории Пензенской губернии. 655 военнопленных поляков из Могилевской губернии должны были проследовать по тракту Шацк — Краснослободск — Починки — Ардатов, 23 поляка из Рязанской губернии — по тракту Темников — Краснослободск — Саранск — Алатырь, 263 человека из Воронежской губернии

²⁶ Ф.Ф. Вигель: *Записки: В 2 кн.* Кн. 2. Москва—Захаров 2003, с. 654.

²⁷ *Ibidem*, с. 666.

²⁸ ГАРФ, ф. 1165, оп. 1, д. 160, л. 26.

²⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 440, л. 494 об; ф. 60, оп. 1, д. 406, л. 382; S. Peszke: *Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w 1812 r.* Warszawa 1913, s. 33—35; *Воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуила Богуслава Пешке о его пребывании в Пензенской губернии* (публикация: С.В. Белоусов) „Центр и периферия” (Саранск) 2010, nr 1, с. 30—31.

— по тракту Тамбов — Чембар — Пенза — Кузнецк³⁰. 22 августа и 25 сентября через Пензу проследовали две партии пленных поляков, направлявшихся в Ишим согласно циркулярному предписанию С.К. Вязмитинова от 15 апреля 1813 г. Первая насчитывала 215 «нижних чинов», вторая состояла из 33 обер-офицеров, 14 «нижних чинов», 1 офицерской и 1 солдатской жены³¹. Капитан Ецентий Василевский, следовавший в последней из указанных партий, был оставлен по болезни в уездном городе Городище. Вместе с ним в городе осталась и его жена. Они отправились далее по тракту до Симбирска 3 ноября после выздоровления Василевского. Причем, по предложению пензенского губернатора князя Г.С. Голицына, Пензенская казенная палата решила вопрос о выдаче пленному польскому офицеру денег на его содержание³².

Среди тех военнопленных армии Наполеона, для кого Пензенская губерния была избрана в 1813 г. местом временного проживания, находился лишь один поляк: су-лейтенант польского 7-го полка линейной пехоты Антоний Розенский. В декабре 1813 г. согласно циркуляра Главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 22 октября 1812 г., он, как житель герцогства Варшавского, был отправлен в Георгиевскую крепость для размещения на Кавказской линии³³.

Известны и другие случаи появления поляков на территории Пензенской губернии в «эпоху Отечественной войны 1812 года». Так, в июне 1816 г. Пензенское губернское правление рассматривало дело о «взятой в Саранске за неимением вида девке Настасье Кузьминой». Как оказалось, она была родом «из польской нации Минской губернии города Зельвы, из которого дядею ее родным, полковником российской службы Антоном Жицким и женою ево взята и провезена в город Минск, где отдана теткою бывшему в Минске Дерптского конно-егерского полка корнету Александру Алексееву, а от него перешла уже к провожавшему военнопленных порутчику Маслову, с которым, по приезде в Саранск убоясь дабы он не укрепил ее за себя, и объявила о себе»³⁴.

В июле 1816 г. в Пензенскую градскую полицию явился поляк Григорий Игнатов сын Бурлак, который в допросе объявил, что «он был варшавский мещанин, и во время проходу французского войска чрез Варшаву взят был

³⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 419, л. 40—41, 42—43, 44—45.

³¹ ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 425, л. 312 об; д. 426, л. 428. О прибытии этих военнопленных в Ишим см.: Б.П. Миловидов: *Военнопленные поляки в Сибири в 1813—1814 гг. В: Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы XV Международной науч. конференции (Бородино, 9—11 сентября 2008 г.)*. Можайск 2009, с. 326—327, 330.

³² ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 427, л. 172 об; д. 428, л. 2; С.В. Белоусов: *Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий*. Пенза 2012, с. 205, 208.

³³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 419, л. 6.

³⁴ ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 485 (запись за 28 июня 1816 г.).

французским правительством принужденно в их службу и определен в беспардонной (?) уланской полк шеренговым; и с тою армиею прошел он чрез Вильну и Смоленск до столичного города Москвы; и когда разбито французское войско российским, то многие французы разбежались, и с ними и он с товарищем своим Юзефом; и остались в деревне Скрыпицыной у помещика Василия Васильевича, а по смерти его и товарища Юзефа пошел он с намерением пройтись в Варшаву и по незнанию дороги прошел до города Пензы и, желая узнать о дороге на Варшаву, явился в градскую полицию, где и задержан». Пензенское губернское правление распорядилось отправить поляка Бурлака в Белосток³⁵.

В первой половине XIX в. несколько поляков находились в Пензенской губернии на государственной службе. Подробные сведения о них содержатся в их формулярных списках. Двое (майор Е.Е. Орановский и капитан С.С. Половинский) служили в Пензенском внутреннем гарнизонном батальоне. Оба принадлежали к польскому шляхетству. Причем, за отцом Е.Е. Орановского значилось имение в Минском уезде. Оба владели российской и польской грамотой. Е.Е. Орановский в составе мушкетерского графа Аракчеева полка принимал участие в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1806—1807 гг. В сражении при Чарново он получил сильную контузию в ногу, а под Либштадтом (24 января 1807 г.) был захвачен в плен, в котором находился до 1 февраля того же года. С.С. Половинский участия в военных действиях не принимал³⁶.

В 20-е гг. XIX в. два отставных офицера-поляка были определены городничими в разные уездные города Пензенской губернии. Один из них, Лука Осипович Лазовский (ок. 1784—после 1827), происходил из польских дворян Черкасского уезда Киевской губернии. В январе 1805 г. он поступил на службу юнкером в Елизаветградский гусарский полк. Юнкер Лазовский отличился в ходе военной кампании 1805 г. В сражении при Аустерлице он участвовал в 3-х атаках, где, «бросаясь с малым числом гусар на неприятеля, отбил раненого и захваченного в плен генерал-майора барона Сакена 3-го». В чине корнета Лазовский участвовал в Отечественной войне 1812 г. В бою под Витебском он был «ранен ружейной пулей в грудь навывлет». За храбрость, проявленную в различных сражениях, Л.О. Лазовский был дважды награжден орденом Св. Анны 3-го класса (за отличие при Торгау в 1813 г. и при Сен-Дизье в 1814 г.), орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом (за отличие при Ланоне), трижды получал Высочайшее благоволение³⁷. В мае 1818 г. Л.О. Лазов-

³⁵ ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 486, л. 470—470 об; д. 488, л. 761—762 об.

³⁶ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 5742, л. 5 об—6; 8 об—9; С.В. Белоусов: *Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий...* с. 56, 110, 115, 132, 185, 219.

³⁷ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2273, л. 28 об—29; ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 1485, л. 504 об—507; С.В. Белоусов: *Пензенцы — участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии: просопографическая база данных*. Пенза 2011, с. 138.

ский был отставлен от военной службы штабс-ротмистром и в следующем году определен городничим в г.Чембар. При посещении Пензенской губернии в 1824 г. император Александр I, прибыв в этот уездный город, беседовал с чембарским городничим о строительстве и отделке «казенного дома». На следующий день он велел «наградить супругу г-на городничего фермуаром и изволил ей сказать, что Его Величество изволил знать ее мужа отличным по военной службе, а притом и теперь отлично служит». Сам Лазовский удостоился получить высочайшую благодарность³⁸. В 1827 г. Л.О. Лазовский был переведен полицмейстером в г.Саранск³⁹.

Второй офицер-поляк, ставший в 1828 г. городничим г.Наровчата, отставной майор Иркутского гусарского полка Семен Петрович Данилевский (ок. 1781 — после 1828). Он происходил из польских шляхтичей г.Злочева Львовского циркуля Австрийского кордона. В составе Польского уланского полка Данилевский принимал участие в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1806—1807 гг. В сражении при Прейсиш-Эйлау он был ранен «ружейной пулей в правую ногу», а под Фридландом «проколот в правую руку». В 1811 г. Данилевский был переведен поручиком в Иркутский драгунский (позднее гусарский) полк. В 1812 г. он сражался под Смоленском, Дорогобужем, Вязьмой, Бородино, был награжден серебряной медалью в память войны 1812 г. После военной отставки он ненадолго был определен городничим в г.Нижний Ломов Пензенской губернии, а затем переведен на ту же должность в г.Наровчат⁴⁰.

С 30-х гг. XIX в. Пензенская губерния становится местом временного пребывания ссыльных поляков. Если в начале 1831 г. на ее территории проживало лишь два представителя польской нации⁴¹, за исключением, конечно, дворян польско-литовского происхождения и поляков, находившихся на государственной службе, то уже к февралю 1832 г. в Пензу на временное проживание было направлено 22 человека, очевидно, участвовавших в Польском восстании 1831 г. Под надзором полиции находились 8 шляхтичей

³⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1047, л. 114; С.В. Белоусов: «Недаром помнит вся Россия...»: Пензенцы — участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Пенза 2004, с. 185—186.

³⁹ ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 1485, л. 504 об—507.

⁴⁰ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2280, л. 26 об—27; ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 1485, л. 798 об—801; ф. 196, оп. 1, д. 432, л. 107—107 об; С.В. Белоусов: Пензенцы — участники Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии: просопографическая база данных..., с. 89.

⁴¹ Согласно «Ведомости об иностранцах, находящихся в Пензенской губернии», которая была составлена в 1831 г. в губернии значились поляк Осип Марцинский, который проживал в Пензе в доме генерала Юшкова и занимался обучением французскому и польскому языкам, а также польский уроженец Иосиф Телль, проживавший в с.Загоскине Пензенского уезда в имении помещика Потулова и обучавший его детей иностранному языку (ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1760, л. 3—3 об).

(Станислав Грушецкий, Юзеф Баркацкий, Антоний Унятовский, Станислав Лясоцкий, Ян Целинский, Федор Зудчевский, Антоний Блащик, Василий Оржеловский) и 14 человек из других сословий (Андроний Гедлецкий, Якуб Палка, Валентий Михальский, Николай Пяткевич, Ян Бессараба, Игнатий Зеленский, Васелий Лоткевич, Юзеф Степанский, дворовый человек Михель Гарчевский, Степан Кшель, Степан Продещук, Герасим Гера, Антон Сим, Мацей Пудеш)⁴².

В 1842 г. в Пензу под надзор полиции прибыл бывший униатский священник, лишенный духовного сана, Григорий Голынец, который умер здесь во время эпидемии холеры в 1848 г. В 1846 г. в Пензенскую губернию был сослан бывший иеромонах униатского обряда Викентий Павловский. Он проживал в с. Нижний Шкафт Городищенского уезда и получал из уездного казначейства содержание в 100 руб. серебром в год. За ним был установлен секретный полицейский надзор с тем, чтобы он, «оставаясь в гражданских правах духовного состояния, не именовал себя духовным лицом, не совершал священнослужения и не носил духовной одежды, а ходил бы в обыкновенной, светской». В 1848 г. в Пензу под надзор полиции были направлены дворянин Киевской губернии Роберт Корженевский «за намерение уйти в Молдавию» и виленский помещик Михаил Фричинский «по политическим мотивам»⁴³.

В январе 1853 г. в Пензу на жительство «с учреждением за ним строжайшего надзора» по Высочайшему повелению был направлен помещик Подольской губернии граф Михаил Потоцкий. Причиной его ссылки называлось то, что в 1845 г. «обнаружено было, что граф Михайла Потоцкий сверх разных безнравственных и дерзких поступков, ненавидя жену свою и тогда 2-х месячного сына своего, первую оскорблял самым непозволительным образом, а последнего, как наводилось сильное подозрение, намеревался отравить, и давал ему лекарство». Тогда же граф Потоцкий был выслан из Подольской губернии, над его именем учреждена опека, а в 1853 г. он был направлен в Пензу. Как доносил в своем рапорте главному начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефу жандармов князю А.Ф. Орлову в августе 1855 г. пензенский губернатор А.А. Панчулидзе, «образ жизни высланного по Высочайшему повелению в Пензу графа Потоцкого, особенно с некоторого времени обращает на него особенное внимание. Чуждаясь общества, он живет совершенно уединенно, не бывая нигде и никого у себя не принимая. Даже самые мелочные заботы по хозяйству он продолжает исполнять лично. В первое время его сюда прибытия я разрешал ему иногда прогулки в училище садоводства, в окрестно-

⁴² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 1760, л. 6—6 об.

⁴³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2841, л. 136 об—137 об, 139 об—141 об, 146 об—147, 147 об—148.

стях Пензы находящемуся. Но, имея в виду Высочайшее повеление о усилении надзора за графом Потоцким и получив сверх того предписание Вашего Сиятельства от 6 августа 1854 г. за № 1386, я запретил ему поездки на охоту и вообще отлучки из города, опасаясь, что граф Потоцкий при этих случаях может найти возможность к побегу». В 1856 г. графу Потоцкому было разрешено переехать на жительство в Москву⁴⁴.

В 1854 г. в Пензенскую губернию под надзор полиции были высланы брестский дворянин Аврелиан Крынский «за дурное поведение и запрещенную картежную игру», помещики Волынской губернии Генрих и Мечислав Будзинские «за праздную и беззаботную жизнь» и «неблагонадежный образ мыслей», а также ксендз Луцкой римско-католической церкви Пухальский, который «позволил себе в говоренной им проповеди употребить неблагонамеренные намеки». Крынскому и Пухальскому производилось содержание по 15 коп. в сутки и по 1 руб. 50 коп. в месяц на наем квартиры. В 1856 г. всем указанным лицам было разрешено вернуться на родину⁴⁵.

Таким образом, на протяжении XVIII — первой половины XIX в. представители польского населения постоянно проживали на территории Пензенского края, в той или иной мере участвуя в экономических и социокультурных процессах, происходивших в регионе.

⁴⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3064, л. 1—1 об; 7; 41—42 об; 48 об 57—57 об; 81.

⁴⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3130, л. 1, 4, 19—19 об; 95; д. 3131, 1; 8—8 об; 16, 31; д. 3129, л. 1—1 об; 5, 6, 10, 45.

Sergey V. Belousov

Poles in the Penza Country

Summary

The author describes the questions of Poles appearing in the Penza Country territory and characterizes the role they played there in the 18th and the first half of the 19th century.

The first information on the presence of Poles in the Penza Country come from the 17th century, when a system of defense fortifications was being built there. Poles were among national workers transferred to a new post in Penza. Another appearance of Poles in the Penza Country is related to the gentry colonization of the 18th century. In 1785, as a result of the edict of Catherine the Great on rights, liberties, and privileges of the Russian noble-born landed aristocracy, a landowner corporation of the Penza Governorate has been created. A few Polish-Lithuanian houses were a part of the corporation already in late 18th century: houses Błażewski, Łopatin, Strujski, Czufarowski, and Jagodziński. It is worth mentioning however, that during that time, these noble families were more or less Russified, and their representatives in large part accepted the Orthodox faith. The Homeland

War of 1812 was an important event that influenced the appearance of Poles in the Penza Country. In the first half of the 19th century, Poles in the Penza Governorate resided there mostly as a result of their civil service, but already at that time, since the 1830s, the Governorate also became a place of temporary stay for Polish deportees, which cause to increase their numbers and role in the social and cultural development of the region.

Sergej V. Belousov

Polacy w Kraju Penzeńskim w XVIII i pierwszej połowie XIX wieku

Streszczenie

Autor omawia w opracowaniu kwestie pojawienia się Polaków na terytorium Kraju Penzeńskiego w Rosji i charakteryzuje rolę, jaką w wieku XVIII i w pierwszej połowie XIX stulecia w nim odegrali.

Pierwsze informacje o obecności Polaków w Kraju Penzeńskim pochodzą z XVII wieku, kiedy na tym terytorium budowano system umocnień obronnych. Wśród pracowników państwowych, którzy zostali przeniesieni na nowe miejsce służby, znaleźli się także przedstawiciele ludności polskiej. Kolejne pojawienie się Polaków w Kraju Penzeńskim związane jest z kolonizacją ziemiańską z XVIII wieku. W 1785 roku, na podstawie edyktu Katarzyny II o prawach, wolnościach i przywilejach szlachetnie urodzonych rosyjskich ziemian, została utworzona korporacja ziemiańska guberni penzeńskiej. W jej skład już pod koniec XVIII wieku weszło kilka rodów polsko-litewskiego pochodzenia: Błażewscy, Łopatiny, Strujscy, Czufarowscy, Jagodzińscy. Należy jednak wspomnieć, że w tym czasie te szlacheckie rody w większym lub mniejszym stopniu były zruszczone, a ich przedstawiciele w przeważającej części przyjęli wiarę prawosławną. Ważnym wydarzeniem, mającym wpływ na pojawienie się Polaków w Kraju Penzeńskim, była wojna ojczyźniana 1812 roku. W pierwszej połowie XIX wieku Polacy w guberni penzeńskiej znajdowali się głównie na służbie państwowej, jednak już w tym czasie, od lat 30. XIX wieku, gubernia stała się także miejscem czasowego pobytu zesłańców polskich, co przyczyniło się do zwiększenia ich liczebności i roli w społeczno-kulturalnym rozwoju regionu.